

Галина Голицына

Дьявол — это женщина

День как-то не задался с самого утра. Может, потому, что было тринадцатое число, да ещё и пятница. Вот и не верь в приметы!

Андрей Михайлович, главный редактор газеты «Городские новости», вызвал меня «на ковёр».

Никакого ковра в его кабинете отродясь не было, а было перед его начальственным, очень величественным двухтумбовым столом особое место, истёртое сотнями подошв. Назывался этот пятачок «лобное место». Именно здесь получали в лоб, в глаз или в ухо нерадивые сотрудники.

Это вовсе не метафора, не образное выражение, — это суровая правда жизни. Когда наш Андрюша сильно разозлится, он позволяет себе рукоприкладство. Дам, конечно, не трогает, но зарвавшемуся журналисту, особенно практиканту, вполне может звездануть по уху. И очень удивляется, когда ему «ставят на вид». Объясняет, что подзатыльники им раздаёт любя, по-отечески. А на родительский подзатыльник кто же обижается?

Думаете, в нашу газету из-за этого никто не идёт работать? Ага, как бы не так... Валом валят! Особенно практиканты. Все студенты хотят на

практику распределиться именно сюда, под горячую руку Андрея Михайловича.

В прошлом году мне под большим секретом поведала Людочка, которая стажировалась в отделе культуры, что у молодых журналистов примета уже такая: если Андрей Михайлович своей тяжёлой отеческой рукой отвесит подзатыльник, то звёздная карьера начинающему шелкопёру обеспечена.

— Я так жалею, что не родилась мальчишкой! — искренне вздыхала Людочка. — Девчонок-то он пальцем не трогает...

— Зато кричит на них так, что те сознание теряют со страху!

— Это не одно и тоже! — поучала меня Людочка. — Шеф должен собственноручно «приложиться», причём как следует, только тогда примета действует. Ну, это как посвящение в рыцари...

Ну да. В рыцари. Это мы-то, журналюги, — рыцари? Среди нас, конечно, разнообразный народец попадается — и твари дрожащие, и сволочи продажные, и газетные киллеры, способные одной статейкой навсегда разрушить чью-то карьеру, а то и вовсе погубить репутацию, и просто серые, невыразительные личности, и восторженные идиоты, но рыцарей в общепринятом значении этого слова среди нас, работников пера и компьютера, правду сказать, не так уж много.

Не знаю, может, где-то существуют реликтовые экземпляры, но в нашей редакции таковых точно нет. А зачем? Кому интересен журналист рыцарского толка? Тираж раскупается тем лучше, чем больше в номере «клубнички», неприглядной изнанки жизни, сплетен, слухов, ужасающих драм и кровавых трагедий. И кто же готовит эти кровавые блюда? Мы, журналисты.

А мясники вегетарианцами не бывают.

Сама я не так давно перешла в разряд газетных киллеров. Сама себя назначила таковым. Надоело мне писать о нечастых театральных премьерах и расхваливать то, что на самом деле смотреть было невозможно. Надоело захлёбываться от восторга по поводу гастролей очередной эстрадной бабочки-однодневки, которая губами не попадает в собственную фонограмму, потому что никак не может запомнить слова своих бессмертных хитов. Написать бы всё как есть, высмеять неумеху как следует, но нельзя: такие материалы заказываются и оплачиваются спонсором такой вот «звёздочки», и хорошо оплачиваются. Шеф деньги берёт, а нам приходится их отрабатывать. Ну, что ж, на то мы и работяги.

Месяца четыре назад я имела большую головную боль с такой вот новоиспечённой «звездой эстрады» и её не в меру любвеобильным спонсором. Спонсор этот оказался натуральным

бандитом образца десятилетней давности: бритый череп, китайский спортивный костюм, цепь с «голяком», все дела... Такое ископаемое! Имя чудное — Лесик, хотя официально именовался он Константином. Имя своё, судя по всему, не жаловал. Откликался исключительно на детскую кличку — Лесик. И задумал этот Лесик зазную свою очередную «раскрутку» по-взрослому: ну, чтобы клипы хорошие, эфир в прайм-тайм, гастроли, фестивали с обязательными призами... Знающие люди подсказали ему, как такие дела в шоу-бизнесе делаются, и Лесик загорелся: надумал из средненького бандита крутым музыкальным продюсером заделаться. А чего? Не боги же горшки обжигают!

Раскрутку решил он начать с нашего городка. Здесь эту «сладкую парочку» никто не знал, и это было очень хорошо. Не видели раньше наши люди колоритного Лесика, не были знакомы с восходящей звездой, которая раньше, как оказалось, зарабатывала себе на жизнь триммингом, — проще говоря, причёски собачкам делала. Лесик её из собачьего салона красоты забрал, придумал ей звучное имя Ильмира, посадил на твёрдое жалованье десяток девчушек, которые должны были повсюду за ней таскаться и изображать самый настоящий фан-клуб.

А чтобы люди на концерт никому пока не

известной Ильмиры валом повалили, Лесик пришёл в газету и предложил сотрудничество: он даёт нам деньги на парочку новых компьютеров, а мы обеспечиваем его «малышке» звёздную карьеру в пределах нашей области.

Андрею Михайловичу такое сотрудничество понравилось, он принял Лесика весьма благосклонно и тут же перепоручил его моим заботам.

Лесик стал сотрудничать со мной очень активно: тут же пригласил в ресторан. Я думала, что познакомлюсь там с Ильмирой, но этого не случилось. На мой вопрос, когда же я смогу познакомиться с героиней репортажа, он ответил просто:

— А зачем? Я сам тебе всё о ней расскажу. Спрашивай.

— Нет, Лесик, ты не понял. Мне не биографические данные нужны, мне интересно, чем человек этот живёт, чем он дышит...

— Воздухом она дышит! Как все.

— Ну, ты под дурака-то не коси, и так не больно умный! — не стала я с ним церемониться. — И экипировка твоя бандитская меня с толку не собьёт. Ты — заказчик, я — исполнитель. Я познакомлюсь с объектом и сама всё напишу. Могу даже серию статей сделать. Хочешь серию?

— Хочу. А может, ну её к чёрту, эту Ильмиру задрипанную? Она петь училась у клиентов своих. То воет, то лает...

— Не поняла, — опешила я. — Так зачем тебе её раскручивать?

— А я, может, на свет родился исключительно для того, чтобы стать продюсером!

— Музыкальным? — уточнила я.

— Не обязательно. Могу, например, тебя раскрутить. Хочешь?

— Это в каком же жанре? — поинтересовалась я. — В оригинальном?

— Да в любом. Может, ты стихи тайно пописываешь? Или романы? Давай сделаем из тебя знаменитую писательницу. Точно! — загорелся он.

— Я, Лесик, плавать очень люблю. В море, в речке, в бассейне — без разницы. Ты сможешь меня раскрутить на этом поприще?

Он почухал репу и надолго замолчал. Думал. Потом покивал головой в такт своим мыслям, сам себя одобрил и заявил:

— Не, красавица, не выйдет ничего. Если ты плаваешь, из тебя надо олимпийскую чемпионку делать. А столько денег у меня нет.

Ну, не дурак ли?

— А ты поднапрягись, у друзей займи, — подначила я.

— Так ты ж старая для спорта! — объяснил

он. — В такойдохлый проект никто денег вкладывать не станет.

Учтивый такой человек... Интеллигентный. И собеседника очень уважает.

Я горько вздохнула и развела руками:

— Прощай, мечта... И как теперь жить на свете? После такого приговора хорошо бы утопиться, да вот беда: я и в самом деле очень хорошо плаваю. Выплыву из любого омута. Одним словом, не трать на меня время. Лучше Ильмиру свою раскручивай. Давай запишу её краткие данные.

Сарказма моего он, конечно же, не понял. Но это и к лучшему.

Я честно сделала хвалебную статью о неизвестной певице, сдала материал и думать о ней забыла.

Но я недооценила Лесика. Он решил во чтобы то ни стало раскрутить меня, причём вид деятельности для него значения не имел. Он стал таскаться каждый день ко мне в редакцию и предлагать разные варианты, в основном эстрадные. Всё-таки эстрада была как-то ближе его продюсерскому сердцу, нежели спорт или писательство.

Меня это забавляло чрезвычайно — до тех самых пор, пока однажды на меня посреди улицы не налетела незнакомая девица с явным намерением

выцарапать глаза и вырвать все волосы.

Спас меня милицейский патруль, который скрутил визжащую девицу, а заодно и меня, и доставил нас обоих в околоток.

Там, уже в участке, разобрались, что девица эта и есть Ильмира, концерт которой был обещан на следующей неделе, но билетов было продано — всего ничего.

— Она должна была мне в газете рекламу сделать, а вместо этого моего спонсора к себе переманила! — брызгала слюной восходящая звезда.

Из её дальнейших жалоб выяснилось, что Лесик потерял интерес и к предстоящему концерту, и к самой несостоявшейся звезде эстрады. Объяснил, что теперь он намерен раскручивать меня, а Ильмира пусть дальше по жизни идёт одна, проще говоря — катится куда подальше.

Доказывать ей, что я здесь вовсе ни при чём, было бесполезно. Я и не стала доказывать.

Из участка я ушла озадаченная, но даже предположить не могла, какая непростая жизнь у меня начнётся.

В редакции меня ежедневно поджидал Лесик, который продолжал предлагать себя в качестве моего продюсера в любой области искусства, которую я выберу, а за стенами редакции в засаде меня поджидала Ильмира, концерт которой

отменили, поскольку из тысячи билетов было продано всего одиннадцать. Причём купил их сам Лесик «на почин» для девочек из фан-клуба, «чтобы те на концерте зажигали публику».

Больше билетов никто не покупал, зажигать было некого, и концерт отменили.

Ильмира, оставшись не у дел, стала выслеживать меня в надежде поквитаться. Как она собиралась поквитаться, я не знаю, поскольку старалась на улице в одиночку не появляться.

В общем, оба они — Ильмира и Лесик — целыми днями ходили за мной как пришитые, но каждый по отдельности, и избавиться от них не было никакой надежды.

Через несколько дней мне это сильно надоело, и я сказала Андрею Михайловичу:

— Вы меня в эту историю втравили, вы и решайте проблему. А то покалечит меня эта полоумная, кто отвечать будет?

Уж не знаю, какие шаги он предпринял, но вскоре Лесик с Ильмирой исчезли, как в воду канули. Может, в тюрьму их посадили, а может, поехали искать счастья в другой город — не знаю и знать не желаю.

Вот вам и тихая, спокойная жизнь в отделе культуры! Врагу не пожелаешь...

А теперь на нас надвигались выборы мэра, и вся пишущая братия надеялась хорошо на этом

заработать. Ну, и я тоже надумала хоть что-то для себя урвать. Да что там греха таить, хотелось урвать по максимуму.

Лёша, наш ответственный секретарь, впервые поставив в номер предвыборный материал, торжественно провозгласил:

— Господа охотники, сезон открыт, отстрел разрешён. Киллеры, в ружьё!

И мы пустились во все тяжкие. Соревнование в редакции развернулось нешуточное: у кого дичь крупнее, кто нарочит больше компромата, кому сколько заплатят за «джинсу»... Лёшка, который сам никогда ничего не писал, подзадоривал нас, аплодировал и улюлюкал.

Сейчас Лёша сидел в кабинете шефа на неудобном гостевом диванчике — тихий, бледный, сосредоточенный. Прилежно изучая пейзаж за окном, он задумчиво потирал ухо — то ли огрёб «отеческий подзатыльник», то ли просто не знал, куда руки деть.

Я послушно встала на «лобное место», сложила руки в молитвенном жесте, смиренно потупилась и приготовилась слушать.

Андрей Михайлович держал в руках свёрстанную полосу, уже готовую для отправки в типографию, и дрожащим голосом вопрошал:

— Это что за безобразие?

— Статья, — пискнула я, даже не взглянув на

то, что было у него в руках.

А чего глядеть? И так всё ясно. Вряд ли речь идёт о спортивных новостях или прогнозе погоды. Шороху наделала моя статья о Данилове, нашем действующем мэре и главном претенденте на кресло мэра ещё на один срок.

— Ты что же это себе позволяешь, уважаемая? — брызгал слюной Андрюша.

— Так ведь предвыборная кампания... — защищалась я, не поднимая глаз.

— А тебя она каким боком касается?

— Это всех касается, — тоскливо прошептала я. — Я ведь тоже живу в этом городе...

— Боюсь, недолго тебе жить осталось. И в этом городе, и на белом свете. За такую статейку и тебе, и мне секир-башка будет, ты это соображаешь?!

— Может, и не будет, — горестно вздохнула я, упорно глядя вниз.

— Кто заказывал?

— Никто.

— А платил кто?

— Тоже никто.

— Ну да, ну да, так я и поверил. Ты у нас где числишься?

— В отделе культуры.

— Вот и пиши о культуре! Чего ты, дурёха, в политику полезла?

— Так ведь предвыбор...

— Слышал, слышал! А ты поговорку такую слышала: кесарю-кесарево, ну, и далее по тексту?

— Слышала, — шепнула я.

— Жанна, девочка, ты вообще соображаешь, во что впрягаешься? И чего ты так пристально туфли разглядываешь? Первый день надела, что ли? В глаза мне смотри!

Я снова вздохнула — протяжно, со стоном — и подняла на него глаза.

Андрей Михайлович смотрел на меня участливо, как на душевнобольную. Кажется, он действительно недоумевал, как это я могла вляпаться в такую некрасивую, дурно пахнущую историю.

— Кто статью заказывал? — нормальным тоном спросил он.

— Говорю же — никто.

— Все вы так говорите. Все вы как бы незаангажированные. Прямо эпидемия кристальной честности, и что интересно — всегда накануне выборов.

— Мне никто ничего не заказывал. Просто я, как любой житель нашего города, имею своё мнение о предстоящих выборах. А поскольку работаю в газете, могу поделиться своим мнением с окружающими.

— Не можешь! — закричал успокоившийся

было шеф. — Ты будешь мнениями делиться, а мне потом пожары тушить на всех уровнях?! Вы деньги берёте, статейки киллерские пописываете, а потом настоящие киллеры на вас охоту устраивают! И то правда, что-то давненько у нас на федеральном уровне не лили слёз по поводу очередного убиенного «честного и неподкупного» журналиста, который сунулся в воду, не зная броду! А не совался бы куда не просят, так и не пришлось бы потом устраивать вселенскую панихиду! Сто раз уже вам, бестолочам, объяснял это! Сто раз просил — не лезьте под пули! Берегите свою жизнь и репутацию газеты! А ты мне тень на плетень наводишь? Ну вот что, что ты со мной делаешь?!

У шефа началась истерика. Он брызгал слюной, топал коротенькими ножками, и от этого топанья седой хохолок надо лбом подпрыгивал очень и очень забавно.

Чтобы не рассмеяться, я снова опустила очи долу.

Лёша сидел неподвижно, будто сам себе памятник, даже не моргал. Восковая фигура из музея мадам Тюссо.

— Ты на прошлой неделе тиснула статейку, пока меня не было, и я смолчал, думал, может, читатели не заметят, а ты умная и сама всё поймёшь, — лютовал шеф. — Однако мне позвонили из приёмной Данилова и

поинтересовались, что это мы себе позволяем. Им очень не понравилась наша самодеятельность, хотя та статья по сравнению с этой, — он опять потряс перед моим носом свежесвёрстанной полосой, — была просто-таки хвалебной.

— Там я тоже критиковала его методы работы, — осмелилась я подать голос.

— «Методы рабо-о-ты», — передразнил меня шеф. — Что ты понимаешь в методах работы сильных мира сего?

— Ничего не понимаю, — тут же согласилась я.

— А чего лезешь? Лавров Жанны д'Арк захотелось?

— Я борюсь за справедливость и правопорядок, — гнула я свою линию.

— Ага, ага! Вся газета, значит, за беззаконие, а ты одна, белая и пушистая, за справедливость и порядок! — снова затопал ножками Андрюша. — Жанну д'Арк, между прочим, на костре сожгли, если помнишь!

— Помню, как не помнить, — снова потупилась я.

— Во-от! А я пытаюсь твою бедовую головушку от беды-то и спасти!

— Поздно, Андрей Михайлович, — ожил памятник у окна. — Мы уже на плёнки вывели и в типографию отправили.

— Как, и *эту* отправили?..

— Все четыре отправили. Я же сразу, как зашёл к вам, доложил, — обиделся Лёша.

Газета наша еженедельная, выходит на шестнадцати полосах, или, как говорят обыватели, страницах. Каждый день редакция готовит и отправляет в типографию три полосы. Сегодня был последний день сдачи номера, поэтому в печать шло четыре полосы — три рабочие плюс первая. Первая вообще полосой не считалась, работы с ней было совсем мало, поскольку состояла она из большого нарядного фото из жизни города, обрамлённого по периметру анонсами материалов, включённых в номер. Сегодня в анонсы была вынесена и моя крамольная статья.

— Переверстать! Немедленно переверстать! Заменить!

— Чем? — скучным голосом поинтересовался Лёша.

— У тебя что, в заглавнике ничего нет? — не поверил шеф.

— Такого объёма — нет.

Шеф от отчаянья завопил, снова затопал ногами, подёргал себя за седой хохолок. Уж лучше бы в ухо мне дал, честное слово, — до того мне было его жалко.

Мужики наши говорили, что все начальственные подзатыльники вреда приносили не

больше комариных укусов. Андрюша наш — мужчинка миниатюрный, росточку маленького, злобы небольшой, складу, правда, истерического, но отходчивый. Покричит, слюной побрызжет, кулачком своим слегка потыкает нерадивому сотруднику в район головы или подмышки — куда достанет, — да на этом обычно и успокаивается. Ни тебе выговора, ни лишения премии, ни злобного шипения за спиной, — красота!

Курилка наша обычно, помыв, как полагается, шефу кости, в конце концов сходится во мнении, что такого шефа, как у нас, ещё поискать надо, но искать бесполезно, потому что руководителей лучше нашего Андрюши и в природе-то не бывает.

— Кто на прошлой неделе выпуск подписывал, когда меня не было? — обратился шеф к Алексею.

— Чан Кайши, кто ж ещё? — пожал тот плечами. — И сегодняшние полосы он подписал.

Чан Кайши — это заместитель главного редактора. Носил он странное непроизносимое имя Ксенофонт Досифеевич, был, по слухам, алчен, злобен, в гневе абсолютно непредсказуем, к тому же лицом был странно похож на жителя Поднебесной: глаза-щёлочки, носик пипкой, крупные зубы торчали изо рта, потому что во рту не умещались. Волосы, правда, имел не смоляные, а соломенно-жёлтые, но даже это не придавало его

внешности ничего славянского. Он выглядел всё равно китайцем, только крашеным. К тому же ни один нормальный человек в здравом уме и трезвой памяти не мог с разбегу и без ошибок выговорить «Ксенофонт Досифеевич», а поскольку журналисты в силу особенностей профессии далеко не всегда бывают в трезвой памяти, то многие даже и не пытались запомнить этот безумный набор шипящих и свистящих.

Если надо было к заму обратиться, люди сипели что-то наподобие «Ксе-и-фи-сич», а за глаза называли его даже не по фамилии, а только Чан Кайши.

Можно, наверное, было прозвать его и Мао Цзедун, и Дэн Сяопином, и просто Хунвейбином, но он уже пришёл к нам с прежнего места работы с именем Чан Кайши, так Чан Кайши и остался. В журналистском мире все друг друга знают, и потому однажды данная кличка прилипает намертво.

Я подозревала, что после сегодняшней выволочки превращусь в Жанну д'Арк, но нисколько не горевала. И вовсе даже не обидное прозвище!

Андрей Михайлович зашарил ручками по своему необъятному столу, нажал кнопочку и вызвал зама.

Тот материализовался на пороге в течение

одной десятой секунды:

— Звали, Андрей Михайлович?

— Как же ты, Сеня, на прошлой неделе материал дурищи этой пропустил? И сегодня облажался... Ты что?!

— Так я ж думал — с вами согласовано.

— Что согласовано? — бушевал Андрюша. — Что все мадамки из отдела культуры полезут в большую политику?!

— А все и не лезут... — робко вступилась я за остальных наших «мадамок» из прочих отделов, поскольку в отделе культуры нынче числилась я одна.

— А тебя чего понесло?

Я промолчала.

— Активная жизненная позиция, — кратко напомнил Алексей.

— Да, помню. Напряжение измеряется в вольтах, а ваша активность — в долларах. Вот и вся жизненная позиция.

Я надула губы и шумно задышала.

— Ладно-ладно! — прикрикнул на меня шеф. — Я на ваши слёзы не ведусь, не маленький! Думай лучше, чем дыру в газете залатать!

— Это какую?

— Которая останется на месте твоей неудачной статейки! Садись и пиши материал точно такого же объёма.

Я с готовностью кивнула:

— Уже иду. А о чём писать?

— Не имеет значения. Главное — не о выборах и вообще не о политике.

— Тогда о чём?

— О чём угодно. Ну, хоть о качестве питьевой воды.

— Какой марки?

— Что — какой марки? — свёл бровки на переносице шеф.

— Вы сказали написать о питьевой воде. А её сейчас так много разной продаётся...

— О воде из-под крана! — рявкнул шеф.

— А что, разве сейчас кто-нибудь пьёт воду из-под крана? — удивилась я.

— Не знаю, может, кто и пьёт! А ты напиши, чтоб не пили из-под крана, а пили только из бутылок или бытовых фильтров. Только смотри мне, никаких торговых марок не упоминай, а то ещё пришлют скрытую рекламу!

— Ясно, — кивнула я.

— У нас эта полоса вся посвящена выборам, — ещё больше поскуцнел и без того грустный Лёша. — При чём здесь проблемы питьевой воды? Воду надо ставить в рубрику «Потребитель», а сюда — политику.

— А вот мы политику водичкой-то и разбавим! — захохотал шеф, очень довольный

неожиданным каламбуром. — Звони, Лёша, в типографию, в ногах валяйся, проси подождать, пока перемакетируем. Всё. Диспут окончен. Все свободны, всем — спасибо.

Мы выскочили из августейшего кабинета, словно из настоящей парилки, и понуро побрели по рабочим местам.

Чан Кайши сидел в том же крыле, что и шеф, потому очень быстро нас покинул.

Мне совсем не хотелось к себе в отдел, где меня некому было утешить, или к прочим «мадамкам», как изволил выразиться шеф, и я поплелась за Алексеем в его каморку.

У него настроение было паршивое, а у меня и настроения-то никакого не было, только желание — пойти и утопиться. А, ну да, утопиться мне, сильной пловчихе, нечего и мечтать. Разве что с камнем на шее... А надёжнее всего — повеситься.

— Что, Жанна д'Арк, выпросила себе на орехи?

Вот, я же так и знала, теперь я из обычной Жанки превращусь в Жанну д'Арк!

— Что мне делать, Лёш? Неужто правда писать о водопроводе?

— Не ной, сейчас что-нибудь придумаю. Чёрт, так ведь и первую полосу перевёрстывать! Там же анонс на твою жизненную позицию, — спохватился он.

— Давай я сбегаю к компьютерщикам, скажу им, что именно переделывать, — горела я желанием подлизаться.

— Погоди, я сам ещё не знаю, что переделывать, — бурчал Лёшка, роясь в своих допотопных папках с тесёмочками.

Заглянула Лариса с дымящейся чашкой, спросила с порога:

— Сахарку не найдётся?

— Ой, Лорка, до того ли? — запричитал Лёша.

— Случилось что?

— Да Жанка, дура, в политические обозреватели рвётся, прямо спасу нет, а я, даун, потакаю!

— И что? — заинтересовалась Лариса.

Она протиснулась между мною и стеной, уселась на свободный стул и стала прихлёбывать свой несладкий чай.

Лариса — девушка крупная: и высокая, и статная, и ногастая, к тому же необыкновенно подвижная и громогласная. В редакции её зовут Лорка-кобылица. Очень метко, на мой взгляд. Она действительно производит впечатление молодой норовистой кобылицы, которой вроде бы и хочется отбиться от нашего скучного табуна, а вроде бы и боязно.

Кудрявую свою гриву, светлую от природы,

она красит зачем-то в абрикосовый цвет. На мой взгляд, родные светло-русые волосы украсили бы её намного больше, но сама она так не считает. Что ж, на вкус и цвет товарища нет, я в стилисты к ней не набиваюсь.

Деваха она неплохая, но чересчур напористая. Талантом её, правда, бог обидел, зато самомнения дал с избытком! Уж если она за что-то берётся, то берегитесь все! Преград для неё не существует, она сметёт любого и даже не заметит этого. Не нравится? А не становитесь на пути!

Когда Лариска рысью несётся по коридору, люди шарахаются в сторону и жмутся к стенкам, чтобы ненароком не попасть ей под копыта, а Лёша заморожено смотрит вслед и шепчет: «Летит, летит степная кобылица и мнёт ковыль!..» И я никогда не могу понять, восхищается он или насмехается.

— Тебя в самом деле в политику потянуло? — улыбнулась мне Лариска.

— Да так, слегка, — смущённо улыбнулась я в ответ.

— Зря. Женщину такое хобби не украшает.

— Да я вроде бы деньги за статью получить собиралась. А тогда это уже не хобби, а работа. Тогда, наверное, можно? — предположила я.

— И много денег? — деловито осведомилась практичная Лорка.

— Гонорар. Как обычно.

— От кого?

— От главного редактора. А он велел Лёше мою статью совсем выбросить.

— А про кого статья-то?

— Про Данилова.

— Опять? Сдался он тебе... Так я не поняла — ты что, от себя лично, что ли? Никто не заказывал?

— Нашёл! — радостно выкрикнул Лёшка, потрясая тетрадным листочком в клеточку. — Письмо ветерана, размышляющего о судьбах Родины.

— А на кой оно нам? — удивилась Лорка.

— Так поставить вместо Жанкиной статьи.

— Маловато будет, — усомнилась я. — И половину дыры не закроет.

— А мы шрифт сделаем покрупнее.

— Как в букваре?

— Да, ты права... Что ж, придётся к этому письму комментарий писать. Кому бы поручить?..

— Поручи мне, Лёшенька, — вызвалась деятельная Лариса. — Прошлые материалы все подавала, новых заданий ещё не получила, прямо изнываю без работы.

— Везёт же... — вздохнул Лёша. — А я вот изнываю от головной боли. Сегодня синоптики смену циклона на антициклон накаркали, так я с утра больной на всю голову.

— И чего ты сразу мне не поручил? — удивилась Лорка. — Давай я письмо отдам в набор, а сама пока комментарием займусь. Кому потом показать? Тебе?

— И мне, и Андрюше — на всякий случай. Он, я думаю, теперь лично будет контролировать каждый материал, особенно о выборах. Чёрт, как голова-то болит, в самом деле!

— Ты полежи, а я всё сделаю, — засуетилась Лорка. — Что ещё надо?

— Ещё надо переверстать первую полосу, снять анонс Жанкиной статьи, сунуть на это место ветерана, позвонить в типографию, чтобы не запускали эти полосы в работу, ждали новых...

— Всё сделаю, не изволь беспокоиться! Таблеточку прими и полежи.

Она схватила письмо ветерана и рысью помчалась по коридору. По направлению удаляющихся шагов мы поняли, что двинула она в сторону компьютерщиков.

— Так. Хоть это с себя свалил, — потёр Лёша лицо руками и смачно потянулся, извиваясь всем туловищем. — Терпеть не могу переделывать хорошую работу. Твоя работа, понимаешь ли, жалко.

— Своего-о-о? А я думала, моего... — совсем скисла я.

— Ну, и твоего, конечно, тоже. Но своего

жалъче. Своя рубашка, сама понимаешь...

— Так ведь и мне моя рубашка... — стала я торговаться.

— Ох, да невелик труд — раскритиковать претендента. А зло хочешь на ком-то сорвать — сходи на концерт, раскритикуй исполнителя. Шеф, помнится мне, велел тебе заниматься строго культурой, а не вертеть головой направо-налево!

— Лёша, ты разве забыл нашего хорошего знакомого Лесика и неадекватную певичку, собачьего парикмахера?

— Ну, помню... И что?

— А то, что тогда я даже не пыталась критиковать, наоборот, рекламу ей делала, и то едва в живых осталась! А ты говоришь — раскритикуй... Опасное это дело, дружок.

— Ну да, ну да, — с готовностью закивал ответственный секретарь. — Критиковать артистов — дело опасное. А критиковать методы работы городского руководства — это что-то вроде увеселительной прогулки: весело, увлекательно и совсем не опасно, да? Сказано тебе — не высовываться, значит, сиди и не высовывайся! Ты вообще-то кто такая есть? Никто, ничто и звать никак. Твоё дело — старших слушаться. Усекла?

— Лёш, а может, мне к конкурентам нашим переметнуться? — спросила я. — Может, там во мне увидят специалиста, журналиста, человека?

— ... спортсменку, комсомолку, отличницу! И тут же поручат писать о каком-нибудь здравоохранении или о пенсионной реформе. А хрен, как известно, редьки не слаще. Писать о пенсиях и поликлиниках, поди, во сто раз скучнее, чем о культуре. Или нет?

— Но что же мне делать, Лёша? — всхлипнула я. — Я обязательно должна перейти в газетные киллеры! И обязательно выехать на кандидатуре Данилова!

— Я могу только догадываться, какие бабки тебе предложили за серию разгромных статей. Интересно только, — кто? — прищурился он.

— Лёша!!!

— Молчу, молчу, молчу! Судя по истерике, ты дяде Лёше даже шоколадку купить не догадалась. А дядя Лёша, между прочим, ради тебя и твоих честолюбивых планов наживает себе совсем не нужную головную боль. Вот как шибанёт мне по башке инсульт, как стану я инвалидом... Ты хоть слюни мне, немощному, вытирать будешь?

— Буду. И памперсы менять тоже буду. Что ты болтаешь, глупый? Не дай бог, накаркаешь!

— Да, но голова-то действительно болит! И проходить не собирается. А в больную голову и мысли лезут соответствующие.

— Ох, Лёшка, тошно мне! Может, домой пойти?

— А чего же, дело хорошее... Газета уже вся сдана...

— ... причём, заметь, без моего материала!..

— Да брось ты скулить! Тоже мне, киллерша выискалась... Там такие зубры сражаются, такие воины, и все как один с тяжеленными копьями наперевес! А ты с чем в эту драку лезешь? С маникюрной пилочкой?

— Уже не лезу. Вместо меня в завтрашней газете будет сражаться седой ветеран с письмом в клеточку. Я надеюсь, он тоже против Данилова?

— Да нет, он так, вообще... — Лёша сделал рукой изящный жест. — Я же говорил, о судьбах Родины размышляет. А Лорка ему в размышлениях подсобит. Если не обманет, конечно.

— Слушай, а чего это она так рьяно за работу хватается? Да ещё и не за свою...

— Планы у неё. Честолюбивые. Хочет освоить профессию ответственного секретаря.

— Тебя, что ли, подсиживает?

— Надеюсь, нет. Может, в другое издание подастся, — уже с профессией в руках.

— А что так?

— Мы вот привыкли считать её как бы дурочкой, а она не так проста! Кое-что всё-таки соображает. Понимает, что в журналистике звёзд с неба не хватает, «золотым пером», гордостью нашей ей не быть. А в таком случае лучше

оставаться «над схваткой», макетировать полосы, просто брать готовые материалы и растыкивать их покрасивше. Как это делаю я.

— А тебя она бёдрышком из гнезда не выбросит?

— Что ты! — засмеялся Алексей. — Молода ишшо! Да и Андрей Михайлович не позволит. Он-то ей цену лучше всех знает!

Да, это точно. Молодую поросль наш главный всегда страшает коронной фразой: «Меня не проведёшь! Я трупный запах дохлых материалов за версту чую. Бездарей на порог не пущу!» А Лорка как раз бездарь и есть.

Лариска попала к нам во время болезни шефа. Он у нас сердечник, если уж попадает в больницу, то держат его там врачи по максимуму. А чего не лечиться? Газета уверенно держится на сильных Лёшкиных плечах, да и Чан Кайши, хоть и не особо любим сотрудниками, всё же дело своё знает неплохо.

Шеф, выйдя из больницы, сразу разглядел Лоркину бесперспективность, но поздно: она уже была в штате. Он не стал настаивать на её немедленном увольнении, решил дать ей шанс: авось поднатореет, распишется, войдёт во вкус. Но чем больше она старалась, тем хуже у неё получалось. И теперь её основная работа заключалась в придумывании текстовок к

фотографиям и в телефонных переговорах с особенно рьяными гражданами, которые желали в каждом номере видеть разгромные статьи о начальнике своего ЖЭКа, об участковом милиционере, который, хоть и не был уличён, но скорее всего взяточник, и о том, что верховная власть прогнила до самых корней, поэтому пора снова делать революцию, и вообще, Сталина на них нет, а заодно и на нас!

Люди, звонившие в редакцию, были совершенно особым контингентом: большей частью — пенсионеры, часто — с расстроенной психикой. В основном это были люди одинокие, и для них вся радость жизни заключалась в возможности ну хоть с кем-то поговорить, не важно о чём, пусть даже с невидимой Лариской. А она умела как-то заговаривать их израненные души, потому что человеком была, в общем-то, неплохим. За незлобивость и покладистость её любили сотрудники, очень уважали душевнобольные пенсионеры и терпел главный редактор.

— Всё, Лёшик, я иду домой. Как подумаю, что сейчас мой труд уничтожают и заменяют бредом отставного красного кавалериста...

Я скривилась от обиды и жалости к себе. Лёша, покивав сочувственно, сделал мне ручкой: пока, мол, всего хорошего.

Поскольку дома у меня ничего особо

интересного не намечалось, я пошла не домой, а к себе в отдел. Заварила себе чаю, села у окошка и задумалась. Чай заваривался. Я сидела и дулась на весь белый свет.

Вот Андрей Михайлович меня сейчас перед всеми полной дурой выставил. А чего, спрашивается? Ну, понятно, с городским начальством ссориться — себе дороже. Мало ли как аукнется... Но дело-то я затеяла стоящее! И резонанс уже есть. Наш главный конкурент, газета «Честное слово», пропечатала ядовитенький ответ на мой опус.

Самое смешное в этой газете — её название. «Честное слово»! Ага... Честнее не бывает. До прошлого года она по старинке называлась «Рабочее слово», хотя о рабочих давным-давно уже не писала, потому что это теперь непрестижно. А с прошлого года, когда это самое «слово» стало «честным», ничего честного в нём вообще не осталось. Концепция газеты — слухи, сплетни, домыслы. Тираж у них — кот наплакал, с нашим не сравнить. А их главного редактора с нашим Андрюшей и рядом-то не поставить! Ничтожество... И журналистики там подвизаются такие же... В общем, дрянь людишки. Ну, каков поп, таков приход, это ж понятно.

На статейку мою критическую откликнулся некто по фамилии Честнов-Искренний. Фу, гадость

какая... До чего измельчал наш брат журналист! Уж и псевдоним себе толком выдумать не в состоянии... И слово-то печатное у них «честное», и фамилия автора, конечно, должна быть «Честнов», а как же иначе... Правда, ничего искреннего в его злопыхательствах не было, но мне и такое внимание со стороны конкурентов польстило. Я вообще ни на какие отклики не надеялась, во всяком случае — так быстро.

Этот самый «Честнов-Искренний» (уж не главный ли их редактор? а может, просто кто-то из пресс-службы мэра?) с каждым своим печатным «честным» словом изрыгал приличную порцию желчи. Уверял читателей, что только за очень большие деньги можно выдумать такую напраслину о кристальнейшем человеке, ангеле во плоти, коим является господин Данилов. И только абсолютно бесчестный, беспринципный человек может себе позволить писать о нём такие гнусные вещи. И что граждане нашего города ни за что не должны верить этой беспринципной журналистке, которая и в политике не разбирается, и писать толком не умеет, и вообще даже не знакома с мэром города, которого смеет костерить в своей статейке почём зря.

Я как прочитала это, так даже задохнулась от радости! Приятно, что твои стрелы летят точно в цель. Значит, пресс-служба этого самого Данилова

не спит на работе, бдит, чтобы о любимом шефе никто слова худого сказать не посмел!

А я вот посмела. И подписалась, кстати, своим настоящим именем. И что вы мне сделаете, господа хорошие?

Кстати, идиоты полные эти самые «господа хорошие». Дураки клинические. Усть меня хотели, а вместо этого рекламу такую сделали — и мне, и газете нашей! Правда, Андрей Михайлович сегодня ясно дал понять, что *такой* рекламы нам и даром не надо, и за деньги не надо, но это он так, от большого расстройства. А то, что конкуренты наши на нас ссылаются и даже пишут отклики (я бы даже сказала — рецензии) на наши материалы, так это же здорово! Чего желать нам ещё?

Я снова достала из укромного уголка «Честное слово», ещё раз перечитала этого Петрова-Водкина, Бонч-Бруевича этого зашифрованного. Честнов-Искренний, подумать только... Тьфу!

Значит, говорите, господин хороший, только за большие деньги и при полном отсутствии совести можно писать такие статьи? А вы, значит, очень честный и искренний, вам искренность ваша молчать не позволяет? А не наоборот ли? Кто *вам* заказал и оплатил этот пасквиль, догадаться нетрудно. У Данилова денег много, на себя, любимого, он их, скорее всего, не жалеет, да и не

стоит такая пачкотня больших денег, уж я-то знаю!

Но вы очень удивитесь, господин Честнов-Искренний, когда узнаете, кто выступает *моим* заказчиком!

Да только вряд ли вы это когда-нибудь узнаете...

Чай заварился и даже слегка остыл. Уже вполне можно было его пить, но сахара не было. Что за наказание? В этой редакции никогда нет сахара! Сколько ни приноси... Вот Лорка бегала сегодня, так и не нашла. У Алексея тоже нет. И у меня в сахарной банке — шаром покати...

Я тщательно обследовала все ящики своего стола в надежде найти хоть одну, хоть самую малюсенькую засохшую карамельку. Не нашла. Пришлось мне, как и Ларисе, пить чай без всякой сладкой радости.

Да и мысли мои были как раз под стать чаю: горьковатые и безрадостные.

Я вот только что грозились переметнуться к нашим конкурентам. К кому, господи? К этим вот «честным» и «искренним»?

Нет, в самом деле, что же за день такой сегодня? И утро, мягко говоря, не сложилось, и потом лучше не стало. Кажется, действительно есть смысл двигать в сторону дома.

Я ушла с работы. Слоняться по редакции без дела некрасиво, портить людям настроение своим

видом — и того хуже. Они, люди, не виноваты, что большие мальчишки не пускают меня, маленькую девочку, в политику.

Я шла по улице и грустила. Было скользко, ветрено, слякотно, пасмурно, — буквально всё, что только можно сказать плохого о погоде, случилось с ней сегодня.

На переходе какой-то лихач, не желая сбрасывать скорость, истошно завопил клаксоном, подгоняя меня. Я шла по «зебре», к тому же на зелёный свет, и правда была на моей стороне, но от заполошного сигнала я дёрнулась, засеменила изо всех сил, попала на не посыпанный песком участок дороги, плотоядно разинувший гладкую льдистую пасть, и поехала юзом, поставив ноги в положение «корова на льду».

Схватиться было не за кого и не за что, равновесие я потеряла безвозвратно, и потому очень быстро и с разгону затормозила в левое переднее крыло припаркованного возле перехода джипа, который стоял себе и никого не трогал.

Тело моё не так чтобы очень массивное, но инерцией обладает изрядной, как любое физическое тело. В общем, врезалась я в крыло, да ещё и локтями в капот впечаталась, отчего сверкающую поверхность украсили две несимметричные вмятины. Капот тут же стал похож на лицо с ямочками на щеках.

То, что закричал выскочивший из джипа водитель, повторить я бы никогда не смогла, потому что в том русском языке, который знаю я, таких слов просто нет.

Я обняла джип как родного брата, и остороженько, не отрывая рук от капота со свежими улыбочивыми ямочками, обошла его спереди и таким образом попала на тротуар.

Только-только я собралась вздохнуть и разогнуть спину, как открылась пассажирская дверца, чуть не впечатавшаяся в моё лицо, и человек, выскользнувший из автомобильных недр, схватил меня одной рукой за шиворот, другой — за ту часть куртки, которая начиналась от поясницы и заканчивалась сами знаете где.

Импровизированный подъёмный кран нёс над землёй мою куртку, в глубине которой находилась я и от изумления что-то бормотала, кажется — «мы едем, едем, едем в далёкие края...»

Человек донёс меня до более-менее сухого и неопасного пяточка и аккуратно поставил на ноги.

— Дяденька, а покатайте ещё... — завела я, подняла голову — и осеклась...

Человек-подъёмник нависал надо мной неумолимой Немезидой, возвышался, кажется, метров на двадцать, и его русая кудрявая голова терялась в облаках, как верхушка Эйфелевой башни, и у головы этой было подозрительно

знакомое лицо.

Данилов Клим Ильич. Действующий мэром города. Основной претендент на пост мэра на следующий срок. Бизнесмен, политик, бандит, — всё в одном флаконе. Гроза морей, суши, воздушного океана и особенно — жалких журналистиков вроде меня. Таких людей принято обходить двадцатой дорогой, а я покорёжила его машину.

Поскольку ноги мои тут же отнялись, я уселась в ближайший сугроб, прижала к груди сумку и забормотала, что, дескать, виновата, кровью искуплю, по крайней мере — оплачу ремонт попорченного имущества.

Немезида с человеческим лицом Данилова Клима Ильича махнула рукой:

— Иди уж, убогая...

— Я не могу. Меня ноги не слушаются.

— Так. — Данилов выставил вперёд ладони, как щит. — Только вот на жалость давить не надо. Я тебя не сбивал, и никто тебя не сбивал, ты даже сама не падала, стало быть, травмы нет. И по больницам я тебя возить не буду. Ясно?

— Ясно, — кивнула я. — Только посижу маленечко, в себя приду. Можно?

— Да чего вы её слушаете, шеф?! — не выдержал водитель. — Машину попортила, ещё и выделяется! Дать пинка под зад, и пусть себе

летит, раз идти не может!

— Погоди, Сева, не горячись. Может, у неё этот — шок, стресс, ступор, — как там его, так и разэтак?

— Ага, — с готовностью закивала я, — ступор на почве сильнейшего нервного потрясения. Не могу двигаться, ничего не соображаю.

— Оно и видно... — вздохнул Данилов.

— Не извольте беспокоиться. Вы себе поезжайте, а я тут посижу...

— Где? В луже?

— В сугробе.

— В каком сугробе? Ты сугроб-то своей пятой точкой расплавил. Ладно, подвезу тебя домой. Садись в машину.

Ноги мои как-то сразу ожили, и я ринулась к автомобилю.

— Куртку грязную сними да грязью внутрь сверни! — прикрикнул на меня водитель. — Всю машину мне изгваздаешь...

Чувствовалось, что он бурчит уже просто так, для проформы. Шеф за помятую машину не изволит гневаться, так чего ж обстановку нагнетать?

Я сняла куртку и послушно вывернула её подкладкой наружу. Залезла в недра машины. Данилов плюхнулся рядом со мной и хлопнул дверцей.

Сева завёл мотор и тихонечко тронул чудовище с места:

— Куда ехать-то, чумная?

— К планетарию, а там в переулок направо, четвёртый дом, второй подъезд...

— Этаж какой? — спросил Сева деловито.

— 3-зачем этаж? — не поняла я.

— А подъезд мне твой зачем? Переулки ещё какие-то... Высажу возле планетария, и будь здорова! Спасибо скажи, что с тобой вообще так церемонятся.

— Да-да, спасибо...

Я отважилась взглянуть на флакон, содержащий в себе бандита, бизнесмена и политика.

Он сидел, отрешённо глядя поверх подголовника переднего сиденья, и находился где-то очень далеко отсюда. На Луне, я думаю, или в другой галактике. Нашей с Севой перепалки он, похоже, не заметил.

Джип двигался плавно, как во сне. Как будто не по ухабистой дороге ехал, а по тихому озеру скользил. Сева, конечно, любитель поорать почём зря, но — мастер своего дела.

В салоне пахло очень приятно: чуть-чуть кожей, чуть-чуть дорогим неброским одеколоном, чуть-чуть улицей и талым снегом.

Я наклонилась и принялась: ну да, конечно!

Талым снегом и мокрой тканью пахло от моей замызганной куртки...

Я свернула куртку ещё крепче и судорожно прижала к себе.

— Да не бойтесь, не отберу, — сказал Данилов, который, оказывается, уже вернулся из межгалактического путешествия.

— Я... не боюсь... то есть боюсь... салон вам испачкать...

— Салон кожаный. Отмоется.

Я судорожно, со свистом, втянула в себя воздух, совсем смутилась и окончательно затихла.

В гробовом молчании мы доехали до планетария. То есть это потом оказалось, что до планетария. Но сразу я этого не сообразила. Машина остановилась. Я продолжала сидеть и тупо пялиться в грязный ком, то есть в куртку, лежащую у меня на коленях. Машина стояла. Мужчины молчали. Я, понятное дело, тоже. Густое молчание висело в салоне и давило на психику, как ядерный гриб.

— Милиционер родился, — констатировал Данилов. — Сева, выпусти барышню с той стороны, а то мне в лужу прыгать неохота.

Сева выпрыгнул с водительского места, открыл левую заднюю дверцу и с издевательской улыбочкой дурашливым жестом предложил мне руку, приглашая покинуть божественную

колесницу.

Я с благодарностью уцепилась за предложенную руку, потому что на ноги свои особо не надеялась. А ну как снова откажут, а сугроба-то поблизости нет!

— Спасибо... — пробормотала я неизвестно кому, скорее всего — сама себе, и побрела куда-то влево.

— Ты же говорила — от планетария направо! — напомнил Сева.

Я послушно сделала «на месте кругом» и побрела в сторону дома.

— Куртку-то надень, малоохольная! — крикнул мне вслед сердобольный водитель, хлопнул дверцей и взревел мотором.

А может, и не взревел, а ласково заурчал, но у меня в ушах звук отъезжающей божественной колесницы отдался громовым раскатом.

По дороге домой я зашла в гастроном и купила немножко сервелата и пряников к чаю. Сегодня пятница, Светка придёт ночевать, будем до утра чаёвничать и плакаться друг другу в жилетку.

Светка — это моя подруга. Она чуть старше меня, но в принципе является зеркальным моим отражением. Она тоже не замужем, тоже хороший специалист, её тоже пока что не оценили по достоинству, да и вряд ли когда-нибудь оценят. У нас это вообще не принято.

Светлана Васильевна — терапевт, наш участковый врач. Именно на этой почве мы сначала познакомились, а потом и подружились. Живёт Света в пригороде. До работы добирается электричкой. По пятницам она допоздна сидит на приёме в поликлинике, а потом приходит ко мне дружить с ночёвкой. Ну, во-первых, нам действительно надо когда-то общаться, а иначе что же это за дружба получится? От гриппа до гриппа? От вызова к вызову? А во-вторых, ей гораздо проще уехать в свой пригород в субботу днём, нежели в пятницу вечером.

Когда по телевизору показывают экстремалов, которые в поисках острых ощущений и незапланированного адреналина прыгают с высоких мостов или небоскрёбов, обвязав ноги верёвкой, я откровенно хохочу. Зачем развлекаться так дорого и заковыристо? Достаточно проехать в пятничной электричке, особенно летом, когда все горожане расплозятся на выходные по дачам. Вот где настоящий экстрим! Тут вам и ноги оттопчут, и бока намнут, и нахамят от души, и карманы выпотрошат, и остановку свою запросто проехать можете, потому что до двери не добратесь. А уж адреналин в кровь выбрасывается прямо литрами! И всё это за символическую плату, а то и вовсе задаром, потому что ни один контролёр не станет рисковать жизнью, проверяя билеты в пятничной

электричке.

Зимой дачники не ездят, но и количество электричек падает до критического уровня, поэтому зима или лето — для пассажиров особой разницы нет.

У подъезда мне под ноги бросился мой самый любимый сосед — такса (или такс?) по имени Додон. Был Додон уже староват, глуховат, слеповат, да и нюх оставлял желать лучшего. Но общителен он всегда был чрезвычайно, и даже старость не поколебала в нём вечного желания дружить. Он бросался к любому, кто сворачивал к подъезду, и уже по дороге решал: обляять (если чужой) или подлизаться (если старый друг).

Я у Додона проходила по списку старых друзей, поэтому лаять он не стал, а умильно заюлил у моих ног, выпрашивая угощение. Я не обманула его надежд, угостила пряником.

— Напрасно вы, Жанночка, его балуете, — пожурил меня Игорь Петрович, хозяин Додона. — Воспитанные собаки не должны попрошайничать.

— Вот и воспитывали бы, Игорь Петрович, — парировала я. — Ваша собака, вам и карты в руки!

Он замешкался с ответом, а я не стала дожидаться.

Дома я заперлась на все замки (у меня их три), переделась в спортивный костюм, выложила пряники в вазу, колбасу — в холодильник, потом

села в кресло, обхватила голову руками и стала горевать.

День сложился до крайности бестолково, всё шло кувырком, наперекосяк и вообще чёрт знает как. Лёшку выручила Лариска. А кто выручит меня?

Статью сняли с номера, и что теперь делать? Свернуть с намеченной дороги я уже не могу. Действительно не могу. Данилова надо добивать, другого случая может не представиться. А как это сделать, если моей «киллерской» кампании ходу не дают?

Главный редактор выругал меня за первую статью, снял с номера вторую и велел убираться в отдел культуры, писать о выставках детских рисунков и конкурсах юных пианистов. А заместителю своему Чан Кайши и ответственному секретарю Лёше приказал «эту дурищу», меня то есть, близко к политике не подпускать. Они и не подпустят. Кому нужны неприятности?

Да ещё и Честнов-Искренний со своей чашей цикуты...

Я бы, может, ещё поборолась, но после сегодняшних событий как я могу? Я на чём свет стоит ругаю в своих статьях Данилова, а он мне сегодня почти что жизнь спас. Ну, жизнь — не жизнь, но здоровье спас, это точно. Не дал убиться насмерть. Хотя «спасибо», скорее, надо говорить не

ему, а его машине, которая так пострадала от моего внезапного нападения! Но он, Данилов то есть, тоже не подкачал: не убил за испорченную машину, вызволил меня из ледяного плена, довёз почти до самого дома. Прямо герой романа, благородный человек, доблестный рыцарь и всё такое. По законам жанра в конце приключения он должен был на мне жениться, но почему-то не сделал этого. А я должна была сомлеть у него на руках и позволить за мной ухаживать, а вместо этого планирую серию разгромных статей и чувствую себя распоследней сволочью.

Вот жизнь, ё-моё!..

Погоревав всласть, я вернулась в кухню, накапала в рюмочку валерианы, выпила, отдышалась и пошла приводить в порядок свою несчастную куртку.

Сначала я подумала, что есть смысл положить её на горячую батарею, а завтра пятна отчистить с помощью одежной щётки.

Но сегодня явно был не мой день. Уж если с утра не повезёт, так до вечера ничего хорошего и не жди! Пятна оказались куда большей площади, чем я думала, и грязи в себе содержали намного больше, чем это можно было себе представить.

И что за грязь вековая на улицах этого города?! Вот вам и ещё один повод «достать» этого горе-мэра! Вполне солидный повод.

Пришлось мне набирать в ванну воду, стирать куртку, потом двадцать раз её отполаскивать — и от грязи, и от стирального порошка. Причём проделывала я все эти операции в позе самого известного представителя членистоногих, проще говоря — вниз головой, вверх хвостом. Хорошо, что я не гипертоник, иначе у меня были бы все шансы скончаться прямо здесь от инсульта.

Кое-как победив куртку, я повесила её над ванной, чтобы стекала. А сама, дабы успокоиться, села чистить картошку.

Жареная картошка по пятницам — это святое. Так у нас со Светой заведено. Я днём чищу, она вечером жарит. Мне жарить не позволяет, говорит, что я только продукт перевожу.

Это правда. Жарить картошку так, как это делает Света, мне никогда не научиться. Она и нарезает её какой-то изысканной, необыкновенно тонкой соломкой, и жарить умудряется в открытом виде, не накрывая крышкой, и картошечка вся равномерно прожаривается и покрывается смуглой аппетитной корочкой.

У меня же всё не так. «Соломка» в моём исполнении имеет вид толстых неровных брёвен, жарить без крышки я не умею, потому что тогда половина картошки сгорит дочерна, а вторая половина остаётся сырой, поэтому съедобных ломтиков не бывает вообще. Я в панике накрываю

её крышкой, чтобы она не горела, а постепенно «доходила до кондиции», но картошка в таких условиях только распаривается и просто разваливается, образуя неприглядную кашу.

Поэтому жарить картошку без неё Светлана Васильевна мне строго-настрого запретила, а я и не настаиваю. И в другие дни недели я этим не занимаюсь, потому что хлопотно это и бесперспективно, да и зачем так себя изводить? Ведь есть же китайская вермишель, которую достаточно залить кипятком, есть растворимые супы в пакетиках, в кулинариях полно вкусеньких салатиков, на которых вполне можно продержаться всю неделю — до следующей пятницы, до следующей жареной картошки.

Во время чистки картофеля я вовсе даже не чувствовала себя новобранцем в советской армии, отбывающим ненавистный «наряд по кухне». Наоборот, занятие это мне даже почти что нравится. За двадцать семь лет своей жизни готовить я так и не научилась, зато картошку чищу виртуозно: снимаю кожицу тонюсенькой прозрачной ленточкой, которая не рвётся, закручивается спиралькой и может быть сколь угодно длинной. Ну, естественно, не до бесконечности, а насколько позволяют размеры картофелины.

К тому же в процессе чистки задействованы

бывают только руки, голова же остаётся совершенно свободной для мыслей, а это очень важно, особенно в пятницу. Неделя прошла, принесла с собой много событий, и неплохо бы их теперь переосмыслить и сделать выводы.

Лариска как-то рассказывала про свою полоумную прабабушку, единственной страстью которой было то, чем я сейчас занималась. Прабабка эта, пребывая в глубочайшем маразме, больным своим разумом решила, что это — её главная функция и основная обязанность. И сколько картошки в доме найдёт, столько и почистит. И смех, и горе!

Когда Лорка была маленькая, у нашего населения привычка была такая: запастись картошкой на зиму. Для меня, кстати, так и осталось загадкой, почему запасались именно картошкой, а не другими продуктами. С ней было столько мороки, я помню: мама с папой наши картофельные запасы хранили зимой на балконе, во время сильных морозов затаскивали мешки в дом, во время оттепели снова вытаскивали их на балкон, то укрывали старыми шубами и куртками, чтобы не замёрзла, то раскрывали, чтобы не упрела. А ещё надо было её время от времени перебирать, обрывая ломкие побеги и выбрасывая гниль. Кстати, гнили иногда набиралось порядочно, чуть ли не половина от первоначального веса... Я всегда спрашивала

маму, зачем нам эта головная боль, лучше бы мы запасали в мешках макароны и гречку, с ними хоть возни никакой нет, а мама смеялась и говорила, что макароны никто на зиму не запасает, только не могла объяснить, почему.

Так вот, о полоумной бабушке. Однажды Лоркина семья запасла на зиму несколько мешков картошки, как всегда. Однако по какой-то причине не отнесли мешки сразу в гараж, как собирались, а оставили в доме до завтра. А назавтра, придя с работы, обнаружили, что вся картошка аккуратно почищена старушкой.

Понятное дело, результатом такого «стахановского рекорда» стала «картофельная неделя» для всего подъезда: все соседи целую неделю питались исключительно картошкой. Ну, не выбрасывать же...

Кстати, мне ту бабушку понять не трудно. Занятие это очень нервы успокаивает.

Не то что общение с Климом Ильичом...

Как же мне на вилы-то его поддеть, а?

Сегодня я джип его покорёжила. Нечаянная радость. Можно, наверное, ещё какое-нибудь имущество ему попортить. Только, во-первых, я не знаю размеров его имущества и узнавать не собираюсь, мне это без интереса. Во-вторых, не так-то легко до серьёзного имущества добраться, там везде охрана нешуточная, только срок себе

заработаю, а мне вовсе это не улыбается. Да и вообще, цель-то у меня — другая.

А Андрей Михайлович перекрыл мне кислород!

И теперь мне только и остаётся, что сидеть дома и лить слёзы. Слезами, как известно, горю не поможешь. А чем ему поможешь?

И посоветоваться не с кем...

Одна радость — Света сегодня придёт, картошки нажарит...

Света пришла позже обычного и притащила целую сумку овощей:

— Сварю тебе завтра борщ.

— Что ты! Не надо беспокоиться, — засмущалась я.

— Я лучше знаю! — сказала она строго. — Опять будешь всю неделю сидеть на колбасе и растворимой вермишели, пока не сдохнешь! Вернее, сначала наживёшь себе язву, а потом от неё и сдохнешь! И не спорь со мной.

— Почему?

— Потому что я врач, а ты дура, которая не способна о себе позаботиться!

— Света, ты не оригинальна. Меня сегодня уже обзывали душой.

— Да-а? И кто же это успел раньше меня? — заинтересовалась Светка, по врачебной привычке дважды намыливая руки.

— Главный наш, Андрюша Михайлович.

— Неужто разглядел-таки твою сущность? — ахнула моя подружка, змея подколодная. — Или просто догадался?

— Добрые люди подсказали. Из приёмной Данилова.

— Кого-о-о? — опешила Светка.

— Данилова. Клима Ильича. Слышала о таком?

— Это наш мэр, который опять в мэры баллотируется, что ли?

— Что ли, — кивнула я.

— А там про тебя откуда знают?

— В газете прочитали.

— И в газете было написано, что ты дура? — не поверила она.

— Нет. В газете была статья о том, что некто Данилов Клим Ильич — редиска, нехороший человек, враг народа и всё такое. Ни один нормальный человек такого по своей воле не напишет — если он, конечно не враг себе.

— Но кто-то же написал!

— Я написала. Из чего читатели, особенно некоторые из них, сделали вывод, что я малость не в себе. Дура то есть. Мысли читателей озвучил главный редактор, а ты теперь подтвердила, чтобы я уж не сомневалась. Да я и сама знаю, что дура.

— Ничего. Пройдёт. Все мы время от времени

бываем дурами. То-то я смотрю, у тебя валерьянкой пахнет!

— Два раза уже пила, — пожаловалась я, — но не помогает! Не умнею, хоть ты тресни! Это, видимо, хроническое.

— И каковы симптомы? — проснулся в Светке врач.

— Знаю, что не сносить мне головы, но вот тянет и тянет писать разгромные статьи.

— По рукам надаю! — пригрозила Света. — И думать забудь. Напиши лучше что-нибудь о зоопарке. Там страсти кипят почище наших, но ни один медведь или страус не подошёл к тебе киллера.

— Тыфу на тебя, дурочка! — замахала я руками. — Скажешь тоже... Смотри, не накаркай!

— А тут и дар ясновидения не нужен, чтобы понять, под какую раздачу ты свою башку беспутную подставляешь...

Закончив нарезать картошку, Света ссыпала её на сковороду, на дне которой плескалось раскалённое масло. Ощувив в себе целую кучу холодных мокрых ломтиков, масло так возмутилось, что зашипело на всю кухню и стало ругаться и плевать горячими брызгами. Мы отскочили от плиты.

Я не получила ни одного ожога и очень удивилась. День у меня сегодня такой, что вполне

могла бы...

Пожинав картошкой и пряниками, мы не стали включать телевизор, а наперебой начали жаловаться друг другу на разнесчастную жизнь.

— Один умный человек сказал, что жизнь вообще штука несправедливая, — вздохнула Света.

— А кто сказал?

— Оскар Уайльд, кажется. Хотя вполне может быть, что Вольтер. Или древние китайские мудрецы. Не суть важно. Главное, что это правда. Вот у меня сегодня вызов был один... Прямо забыть не могу! Ведь и так же верчусь, как белка в колесе, сама же знаешь!

Да, это правда. С октября по апрель у людей бронхиты, ангины, грипп, будь он неладен, а ещё на участке полно сердечников, почечников, желудочников и парализованных или безногих инвалидов, которых Светлана Васильевна регулярно навещает, даже если вызова нет. Иной раз она даже вспомнить не может, сколько квартир посетила за день.

— Я уже к тому времени три часа по участку бегала, — продолжала Света, — ноги отваливаются, в голове сплошной ровный гул, где-то перчатки оставила, руки мёрзнут, лифты даже если есть, то почти нигде не работают, вползаю на седьмой этаж, с трудом дышу, за сердце хватаюсь, самой бы кто первую помощь оказал! И

вот имею счастье лицезреть больную: девица двадцати трёх лет лежит в кружевной постели и книжку читает. И при этом совсем не выглядит умирающей. Спрашиваю: на что жалуетесь? Она говорит: температура. Какая? — Тут Света сделала эффектную паузу, чтобы подогреть моё любопытство.

— Ну, и какая же?

— Тридцать семь и одна десятая! Представляешь себе? Я говорю — чего же вы в поликлинику не пришли? А она мне: мама велела в постели лежать, чтобы осложнений не было. Я сунула ей градусник под мышку, честно выждала десять минут, вынула — мама дорогая! Тридцать шесть и восемь, представляешь? И я к ней на седьмой этаж пёрла, аж глаза выскакивали! Я ей лёгкие прослушала, бронхи, горло посмотрела — всё чисто, всем бы такое здоровье! Что же это, говорю, уважаемая, вы медицину в заблуждение вводите? Это же ложный вызов! А тут мамаша подсказывает, кричит: вы обязаны дать ей больничный! Вот оно в чём дело... Они решили свирепствующий в городе грипп пересидеть дома в здоровом состоянии, но с больничным листом. Самые умные! Ну, конечно, я никакого бюллетеня ей не выписала, так мама эта чадолюбивая на весь подъезд мне в спину кричала, что нажалуется на меня в горздравотдел, и меня за это уволят.

— А ты бы объяснила, что тебя скорее уволят за выдачу больничных листов здоровым людям!

— Бесполезно! — махнула рукой Света. — Главное, она действительно может на меня пожаловаться в сто разных инстанций, а мне на неё жаловаться некуда. Да и некогда было объясняться. Впереди ещё одиннадцать вызовов! Ты мне вот что скажи: почему эта девица может лежать в постели в полном здравии, читать книжку и издеваться надо мной? Потому что у неё есть мама, а у меня уже нету?

— Потому что ты давала клятву Гиппократу.

— А Гиппократ ничего не говорил о том, что над врачом можно издеваться.

— Ну, это ты с Гиппократом и выясняй. А хочешь знать, кто меня сегодня домой подвозил?

— Ой... А почему так загадочно? Папа Римский тебя подвозил, что ли?

— Бери выше, — усмехнулась я ещё загадочнее.

— А кто может быть выше Папы Римского? Господь Бог разве что... Тебя он домой привёз?

— Почти что. Данилов Клим Ильич. Собственной персоной.

— Хорошо заливать...

— Правда!

— Что, жизни учил? Ругал за статейку неумную?

— Что ты, Света! Он и предположить не мог, что я — это я. Если бы узнал, так не в машине бы вёз, а машиной переехал...

Я в лицах пересказала ей дневное происшествие, сама ещё раз его пережила, и мы полночи веселились, сочиняя, что бы он подумал, что сказал и что сделал бы, узнав, кого везёт.

Уже засыпая, Светка сказала:

— Ну, повеселились, и будет. Прав твой главный редактор: такими вещами не шутят. Брось ты эту затею с разоблачениями.

— Не могу.

— А что так?

— А вот так. Не могу, и всё. Бывают такие обстоятельства, что увернуться никак не возможно. Ты просто поверь мне, и всё.

— Во что же ты вляпалась, девонька? — встревожилась Света.

— Ой, и не спрашивай. Но на кону у меня сейчас стоит всё. А мне в редакции ходу не дают!

— И очень хорошо, что не дают! Может, долгую и счастливую жизнь этим тебе обеспечат...

— А может, наоборот!

— Очень не люблю, когда говорят загадками.

Давай спать.

— Давай.

Ночью мне снился Данилов. Он таскал меня за

шиворот, как паршивого котёнка, и всё приговаривал, что его фамилия не Данилов, а Честнов-Искренний, а дед у него — Муравьёв-Апостол, а отец — Лебедев-Кумач. Я стучала зубами от страха, а он всё носил и носил меня над землёй, как настоящий подъёмный кран, и это было очень страшно. Я не высоты боялась, а того, что видела внизу. Там, внизу, с одной стороны был сверкающий автомобиль, который я очень боялась помять при падении, а с другой стороны сидел в засаде целый отряд киллеров, почему-то с духовыми ружьями, и я знала, что стреляют эти ружья малюсенькими стрелочками, острые носики которых смазаны экзотическим ядом кураре, от которого нет спасения...

В субботу утром мы варили борщ. Ну, «мы варили» — это как в анекдоте про муху, которая вечером, сидя на голове усталого коня, заявляет: «Мы пахали!» Варила, конечно, Света. Я же, как заправский поварёнок, чистила овощи, мыла сковородки и убирала накапливающийся мусор из-под рук шеф-повара Светланы Васильевны, пока та священнодействовала.

Борщ получился на славу. Благодаря Светиной предусмотрительности к нему имелись даже чесночок и сметана, вот только сала не было. А очень хотелось именно сала. Именно сейчас, к

борщу.

— Ладно, не плачь, колбасой обойдёмся, — уговаривала меня Света.

— Сравнила! — возмутилась я. — Это всё равно что к чаю вместо конфет подать морковку! Тоже вроде сладкая штука, а ведь не то, не то...

Приоткрыв крышку кастрюли, я снова принялась к борщу: фантастика!

— Светка, радость моя! Бросай ты к чёртовой матери невыгодное и неблагодарное врачевание! Откроем частную столовую, ты будешь борщ варить и картошку жарить, озолотимся!

— А ты что делать будешь? — смеялась она.

— Ну, как всегда: овощи чистить, посуду мыть, гостей зазывать... Соглашайся, а?..

— Ставь тарелки, мечтательница! — распорядилась Света.

— Вспомнила! — завопила я. — Вспомнила, вспомнила... Я сейчас к Игорю Петровичу сбегая, у него этого сала — завались!

— Кто такой Игорь Петрович?

— Сосед. Собаку держит.

— Точно собаку? Не свинью?

— Какую свинью?.. — опешила я.

— Ну, ты говоришь, что сала у него — завались!

— Завались, — подтвердила я.

— Так сало-то хоть свиное? Не собачье?

— Фи, Света, — скривилась я. — Что ты болтаешь? Прямо весь аппетит испортила... У него в деревне родственники какие-то дальние поселились в доме его предков. Бесплатно живут, богатеют. Но люди совестливые, всё время ему гостинцы деревенские привозят: картошку, яблоки, соленья. Ну, и сало, как же без него?

— Действительно, — хмыкнула Светлана, — что за гостинец без сала? Издевательство одно...

— А ты не смейся. Вот сейчас пойду и принесу.

— Так неудобно вроде побираться...

— А я его к нам на борщ приглашу. Не возражаешь?

— Ты хозяйка... — дёрнула она плечом. — Пусть приходит, я с ним познакомлюсь. Всё-таки мой участок!

— Ой-ой-ой, какие мы важные! Уча-а-асток...

Спустившись к Игорю Петровичу, я пооблизывалась с Додоном вволю. То есть он меня облизывал, я уворачивалась, но безуспешно. В конце концов хозяин строго прикрикнул, и пёс, обиженно сопя, убрался в свой угол.

— Чем обязан, Жанночка?

— Борща хотите? — ответила я вопросом на вопрос. — Свежего, пахучего...

Он нервно сглотнул:

— Не понял...

— Ну, борщ, — стала я жестикулировать, изображая руками кастрюлю. — Красный такой, с укропом, с чесноком...

Он снова сглотнул, причём довольно громко, и сказал:

— Я понимаю, что такое борщ. Я только не понимаю, при чём здесь я?..

— Объясняю открытым текстом: у меня есть борщ, но нет к нему сала. У вас же сало наверняка есть, но точно нет борща. По отдельности, сами по себе, эти продукты идут куда хуже, а в паре — куда лучше. Объединимся?

— То есть вы приглашаете меня к себе на борщ? — наконец-то сообразил он.

— Приглашаю. Только обязательно с салом, — уточнила я. — Можно ещё и с Додоном.

Пёс, услышав своё имя, снова подкатился к моим ногам, неотрывно глядя печальными подслеповатыми глазами.

— Видите? Мы с Додоном уже уходим. Присоединяйтесь!

— Сейчас, сейчас... — засуетился сосед. — Сало только возьму...

Он похлопал на кухне дверцей холодильника, пошуршал целлофаном и вышел с аккуратным свёртком в руке.

Света уже поставила на стол три прибора, нарезала хлеб.

Я познакомила их:

— Это Игорь Петрович, мой сосед. Это его пёс Додон. А это, Игорь Петрович, моя подруга Света. Но она не только моя подруга, она по совместительству ещё и наш участковый врач, поэтому лучше вам называть её Светланой Васильевной.

Они церемонно поклонились друг другу, и Света спросила:

— А вы, Игорь Петрович, видимо, очень здоровый человек? Ни разу на дом меня не вызвали... Может, на приём приходили, да я запомнила?..

— Не вызывал и не приходил, но вовсе не от избытка здоровья. Просто я врачам не доверяю. Все, как один, шарлатаны! Ни диагноз поставить не могут, ни вылечить...

— Спасибо на добром слове, — в пояс поклонилась Света. — Хороший ли я доктор, вы не знаете, но можете оценить, какая я повариха. Прошу к столу!

— Как?.. — поразился Игорь Петрович. — Разве не Жанночка обед приготовила?..

Я расхохоталась:

— Если бы обед приготовила я, то ни за что бы не отважилась кого-то угощать, да и сама бы есть не рискнула!

— Да и обеда нет никакого, только первое

блюдо, — сообщила Света, разливая борщ по тарелкам.

Я подала соседу нож. Он стал аккуратно нарезать сало, приговаривая:

— У О'Генри рассказ есть... Три девицы в общежитии пропадали от голода... У одной был только лук, у другой — мясо, у третьей — картошка... Потом они догадались объединиться, и из всех этих продуктов у них получилось замечательное жаркое...

— Игорь Петрович, во времена О'Генри не было никаких общежитий, — засмеялась я. — Были меблированные комнаты, пансионы...

— Не имеет значения, как это называлось, — заартачился сосед. — Суть-то была именно такова!

Но Светка велела нам заткнуться и есть молча, тщательно пережёвывая пищу.

Додону мы тоже налили в мисочку. Он деликатно понюхал, подумал, потом пару раз ткнулся носом в миску, но было видно, что исключительно из вежливости и желания сделать нам приятное.

— Вы извините его, он у меня приучен к сухому корму, — смущённо оправдывался Игорь Петрович. — К тому же здесь есть чеснок, а собакам это, сами понимаете...

— Понимаю, — милостиво кивнула головой Светлана. — Но и вы поймите, я же не для собак

готовила. А для людей в борще главное что?

— Что? — напрягся сосед.

— Чеснок, — объяснила Света. — Особенно теперь, когда свирепствуют грипп, простуда и новомодная атипичная пневмония. Нынче главные овощи — лук и чеснок.

— И сало, — сделала я соседу приятное. — Особенно такое, как вы принесли.

— Это вовсе не моя заслуга, — зарделся Игорь Петрович. — Это родственники из деревни присылают.

— А вы им что за это? — деловито осведомилась Света, придиричиво, на свет, рассматривая ломтик прозрачного розоватого сала. — Деньгами помогаете?

— Нет, что вы! Я же — учитель музыки, у меня очень маленькая зарплата, я не могу помогать...

— Так чего же они вам гостинцы шлют? — наседала дотошная Светлана Васильевна.

— А они пользуются моим деревенским домом, вот и считают своим долгом...

— А чего они вашим домом пользуются? Своего, что ли, нет?

— Нет, — сокрушённо вздохнул Игорь Петрович. — Беженцы они. Переселенцы. Из Узбекистана приехали. Жить негде, вот я и приютил... Сам ведь я бабкиным домом не

пользовался, так что не жалко! А они и огород заброшенный окультурили, и свиней держат, и кур...

— Из Узбекистана... — ахнула Света. — Как же это они свиней держат? Разве религия им не запрещает?

— Так они же не мусульмане, — удивился Игорь Петрович. — Говорю же: беженцы, русские люди, родственники мои!

— Ну да, нашему забору троюродный плетень, — хмыкнула Света.

В общем, разговор вышел на редкость содержательным и познавательным. Игорь Петрович так разошёлся, что рассказал нам свою родословную чуть ли не от Ивана Грозного, доказывая, что узбекские родичи не такие уж дальние.

Еле мы его уняли.

После третьей по счёту тарелки он догадался, что просить добавки в четвёртый раз правила приличия не позволяют, а потому встал из-за стола и стал церемонно прощаться. Остатки сала забирать не стал, уверяя, что у него в холодильнике ещё много осталось. Додон напоследок ещё раз вежливо обнюхал свою почти нетронутую порцию, и после этого высокие гости отбыли.

Света тоже засобиравлась домой.

— Не уходи-и-и, — канючила я. — Оставайся

до понедельника! Или хоть до воскресенья...

— Нет, не могу. У меня на сегодня большая стирка намечена, а на завтра, значит, большая глажка. То есть утюжка. Да и чего мне тут сидеть?

— Меня утешать. Плохо мне, Светик. Тошно, противно, грустно. Давай в кино сходим?

— С ума сошла, точно! Какое кино? Грипп бушует, о массовых мероприятиях надо забыть как минимум до апреля! Да и не поможет тебе кино. В фильмах сейчас такие страсти показывают, что нормальным людям такое смотреть вообще противопоказано!

Да, это точно. Если я после последних событий едва-едва за жизнь держусь, то после «ужастика» точно помру. Прямо в зрительном зале.

— Да и денег у нас таких нет, — продолжила подружка. — Сейчас билет в кино стоит как билет на самолёт. Причём сверхзвуковой.

И это правда. Во времена моего детства мы могли один только раз не пойти в буфет, зато на сэкономленные деньги пойти после уроков в кино. А нынешним школьникам на кино надо копить, я думаю, целый месяц. А то и два. С голоду помрёшь!

— Так что оставайся ты лучше дома, — подытожила Света, заматывая горло шарфом. — И сама здоровее будешь, и нервы будут крепче, и деньги целее. Лучше бесплатно телик посмотри. «Смехопанораму» какую-нибудь. Вот хандра и

пройдёт.

Она перекрестила меня и ушла. Я послонялась по дому, потом сунулась на разгромленную кухню и стала наводить там порядок.

Помыв плиту, посуду и пол, я так разохотилась, что одним махом убрала всю квартиру. И действительно, ипохондрию как рукой сняло!

Когда мыть и подметать было уже нечего, я почувствовала, что очень устала и зверски проголодалась. Навернув полную тарелку сказочного борща, я с блаженным стоном упала в постель и отключилась.

В воскресенье я провалялась в постели до полудня: то телик смотрела, то старые журналы листала. Неплохо было бы поработать над третьей статьёй о подлой сущности господина Данилова, да как-то настроения не было: какой смысл писать то, что никогда не будет напечатано? Я же не гений какой-нибудь непризнанный, я не могу работать «в стол». Да и не пишут «в стол» такие вещи. Смысла нет. После выборов весь предвыборный пыл останется только выбросить.

Очень хотелось бы ещё раз увидеть в конкурирующем издании отклик на своё творчество, да теперь вряд ли удастся... Писать рецензии на мои материалы о конкурсах юных

пианистов конкурентам и в голову не придёт, потому что это никому не интересно. А то, что интересно всем и пользуется у народа бешеным спросом... Увы и ах, это-то мне как раз и запретили!

Так и не придумав, чем бы заняться дома, я вспомнила, что воскресенье — базарный день. Вот и нашлось занятие!

Послонявшись по рынку и поприценявшись к совершенно ненужным вещам типа заморских плодов по космическим ценам, я купила десяток яиц и большущий цветочный горшок. Растений у меня в доме не было, но я размечталась, что теперь-то уж, при наличии такой шикарной ёмкости, непременно заведу себе растение, очень большое и колосистое, желательно пальму.

Пальмы пока что не было, и я, для экономии места положив пакет с яйцами в цветочный горшок, пошла домой, продолжая мечтать о тропическом разлапистом растении, и было мне от этих мечтаний очень уютно, будто я уже в самом деле сижу под пальмой, причём не в квартире, а на самом что ни на есть тропическом острове Боро-Боро...

Зимой дни удивительно короткие, поэтому к дому я подходила в странное время суток: то ли поздние сумерки, то ли ранняя ночь. В общем, было уже темновато. Я даже чуть не убилась, попав

каблуком в какую-то подлую выбоину. Но обошлось: и сама цела осталась, и горшок сохранила в целости, и яйца в нём не пострадали. Вот только каблук стал вести себя как-то подозрительно, точно собирался меня покинуть и уйти в другую сторону. Неужто сломала? Полоса невезения, честное слово! Позавчера выговор получила, с Даниловым столкнулась, куртку измазала, сегодня ещё и каблук сломала! Что ты будешь делать...

А что тут поделаешь? Остаётся только сидеть и плакать. Я так для себя и решила: вот приду домой, упаду лицом в подушку, наревусь как следует, потом чаю себе сделаю, покрепче да послаще, так и переживу горе горькое.

В подъезде свет был только на первом этаже и, кажется, на пятом. Я живу на третьем, поэтому мне ни сверху, ни снизу не перепадало ни лучика. Только призрачный свет уличных фонарей из межэтажных окошек помогал ориентироваться, чтобы не разбить нос на лестнице.

Я уже подошла к своей двери, стала рыться в кармане в поисках ключей. И вдруг сверху, с четвёртого этажа, метнулась ко мне огромная тень. Я инстинктивно отшатнулась, многострадальный каблук подломился, я оступилась, в щиколотке противно ёкнуло, я охнула и, нагнувшись, схватилась за больное место, тут же что-то

грохнуло, я в ужасе зажала уши руками, тут же снова что-то грохнуло, на втором этаже открылась дверь, залаял Додон, снизу тоже метнулась ко мне тень, но уже с фонариком. Это оказался Игорь Петрович.

— Кто здесь? Что происходит?

— Да я здесь, я, — просвистела я сквозь зубы, морщась от боли.

Свет фонарика обежал стены и пол, и я поняла, что это был за грохот: у ног моих лежали черепки прекрасного сосуда для вожденной пальмы. Прощай, мечта...

— Кто стрелял? — спросил Игорь Петрович.

— Никто не стрелял. Это я горшок цветочный выронила, вот он и грохнул.

— Два раза подряд? — не поверил сосед. — И кто это такой? — Он указал на лестницу, ведущую на четвёртый этаж.

Там, съёжившись, сидел молодой мужик. Просто сидел, держал руки в карманах куртки. «Как домовый», — почему-то подумала я.

И вдруг меня накрыла неожиданная мысль. Она была яркая и ослепительная, как вспышка прожектора. Я отчётливо поняла, что здесь только что именно стреляли. Причём в меня. Значит, стрелял именно этот незнакомец, потому что больше никому. И расписной горшок я выронила именно потому, что зажала руками уши после

выстрела.

Я поняла, что это киллер. По мою душу. Вот тебе, Жанночка, и сон в руку! Всё-таки накаркала Светлана Васильевна...

Ладно, о снах и суевериях — потом, на досуге. Сейчас надо ситуацию разругивать.

И что же я сделала? Боже мой, что же я сделала...

Я сказала:

— А это приятель мой. Бой-френд. Мы с базара шли, а тут света нет. Я на лестнице каблук сломала, горшок разбился, вас переполошил. Вот он, виновник всего...

Я подняла отломавшийся каблук и показала его соседу.

Тот смутился:

— А я решил, что война началась. Из-за какого-то дрянного горшка такой переполох...

— Вот-вот. Много шума из ничего. Бессмертный сюжет. А горшок, кстати, при жизни был не такой уж дрянной. Посветите нам, пожалуйста, а то я ключом в скважину не попаду.

Игорь Петрович услужливо подержал фонарик, пока я отпирала дверь. Потом зажгла в прихожей свет и сказала незнакомцу:

— Заходи давай.

Он посмотрел на меня, потом на соседа, потом снова на меня, но с места не двинулся.

— Вас стесняется, — шепнула я соседу, а незнакомцу сказала: — Вставай, хватит сидеть на холодном бетоне, задницу морозить. Катар нижних дыхательных путей заработаешь.

Это была шутка из Светкиного репертуара, мужики её вряд ли поняли.

Незнакомец снова взглянул на меня, поднялся и шагнул в квартиру.

Захлопнув входную дверь, я тут же плечом впихнула его в ванную комнату и заперла. Потом привалилась спиной к стене и тихонечко съехала на пол, уткнувшись лбом в колени. Гость молчал, наружу не рвался. Я тоже молчала, постепенно приходя в себя.

Опыта общения с киллерами у меня не было никакого. Видела я их только во сне, да и то один-единственный раз. Вчера. Мне вообще никто никогда серьёзно не угрожал. Ну, за исключением Ильмиры этой придурочной, неудавшейся певицы... Кстати, не от неё ли привет? Может, её опять Лесик бортанул, так она мстить надумала? Вот радость на мою голову...

Хотя это вряд ли. Насколько я помню, на тропу войны она всегда выходила сама. И сейчас, если бы захотела, самолично меня в темноте дождалась и в волосы бы вцепилась, а не посылала бы кого-то. Да и откуда у той психопатки деньги на киллера?

А может, это как-то связано с моей статьёй? А как?

Получив отклик на неё в бульварной газетёнке, я страшно обрадовалась, решила, что это — успех.

Но *такого* успеха я вовсе не ожидала. Не рассчитывала я на *такое!*

А может, это просто грабитель? Деньги у меня хотел отнять, но сам же и попался? А зачем грабителю стрелять? Да ещё и на поражение? Так стреляют убийцы. По-английски — киллеры.

Посидев какое-то время рядом с запертой дверью, я подумала: ну, не век же мне так вековать, надо прояснять ситуацию.

Собравшись с духом, я тихонечко позвала:

— Эй...

Ответом меня не удостоили.

— Эй, ты слышишь меня? Ты вообще-то кто?

— Конь в пальто, — сообщили мне из-за двери. — Дед Пихто. Посланник небес. Выбирай, что нравится.

— Ничего не нравится, — сообщила я в ответ. — А будешь хамить, милицию вызову.

— А я вот сейчас дверь выломаю и убегу. Лучше выпусти по-хорошему.

— Не убежишь. Тебе придётся тогда ещё и входную дверь выламывать, а она на три замка заперта. А внизу бдительный сосед. А у соседа злая

собака. Вот сколько препятствий! Так что никуда ты не денешься.

Ещё помолчали.

Потом голос из-за двери попросил:

— Свет-то хоть включи...

— Что, темноты боишься? — злорадно усмехнулась я. — Так тебе и надо! Посиди там, подумай. В темноте лучше думается.

— Да не боюсь я темноты! — развеселился незнакомец. — Я боюсь тут в темноте что-нибудь порушить, сама же потом на меня орать будешь!

Хм-м... Здравая мысль! Он же там, как слон в посудной лавке, все мои флакончики с духами и баночки с кремами переколотит!

И говорит нормально, как обычный человек.

А я-то, я! Хороша, ничего не скажешь!.. В ванной его заперла! Он там прожить может целый месяц, а вот как я буду без ванной комнаты?.. Да ещё и куртка там досыхает. Я хотела в ней завтра на работу пойти. В лёгкой тёплой куртке удобнее, чем в тяжёлом старомодном пальто. Для походов на рынок оно ещё туда-сюда, а в приличное место всё-таки лучше в куртке. Но как же я до неё доберусь, если там этот дед Пихто, конь в пальто, посланник небес?

— А если я выпущу тебя, что станешь делать?

— На постой к тебе попрошусь.

— Больно надо... А что так?

— Идти некуда.

— А если бы меня застрелил, то было бы куда?

— Тогда было бы.

— Ты собирался меня застрелить, чтобы жить в моей квартире?

— Нет. Жить я собирался в своей, но после того, как застрелю тебя.

Так. Человек-загадка. Правда, что ли, выпустить?

— Эй, посланник небес, есть хочешь?

— Угу.

— Ладно уж, пожалею сиротку. Руки мой тщательно и приходи на кухню.

Я отперла шпингалет на двери, включила свет в ванной и ушла хлопотать по хозяйству.

Правда, хлопоты были не особо хлопотные, так как в холодильнике был только борщ и остатки сала. Я отлила борща из кастрюли в ковшик, поставила на огонь, стала нарезать хлеб и сало.

Явился «посланник небес» — тихий, умытый, причёсанный, даже подумалось: «благостный». Осторожненько, бочком, присел за стол, смиренно сложил руки на коленях.

— Ты чем причёсывался? — напустилась я на него. — Тебя что, не учили, что расчёска — предмет личной гигиены, и чужую брать нельзя?!

— Так у меня своя, — пожал он плечами,

достал из нагрудного кармана почти что целую (всего лишь без двух зубьев) серенькую расчёску, покрутил ею перед моим горящим взором и снова спрятал.

Действительно, своя. Смотри-ка... А я всполошилась, что он воспользовался моей массажной щёткой, насажал в неё своих клопов, в смысле вшей, перхоти и прочей пакости. Вот каких ужасов понапридумывала...

Пистолета видно не было, и это придавало мне бодрости.

Я налила ему борщ не в издевательски изящную тарелочку, а сразу в большую миску, памятуя о том, что даже скромному, немолодому и не такому уж голодному Игорю Петровичу пришлось подливать пару раз, а это — лишние телодвижения, зряшный расход калорий. А поскольку девушка я довольно ленивая, то налила гостю сразу двойную порцию.

Гостю... Ага.

Подвинув несостоявшемуся убийце хлеб и сало, я ободряюще кивнула: ешь, дескать, не стесняйся.

— А ты? — всё-таки застеснялся он.

— Аппетита нет, — пожаловалась я. — Впервые со мной такое: убийца в подъезде, выстрелы в темноте... Разволновалась, в общем. Со временем, может, попривыкну, а сейчас прямо с

души воротит, какая тут еда...

— Да уж, от больших нервов кусок поперёк горла встать может, понимаю, — философски изрёк он и принялся за еду.

Как он ел, господи, как он ел!.. Как будто хотел насытиться на всю оставшуюся жизнь. Как будто это последняя миска борща в его жизни, а впереди — долгая, мучительная голодная смерть.

Видя такой азарт, я молча вылила в ковшик остатки борща, поставила его на огонь, а опустевшую кастрюлю — в мойку.

Света была уверена, что оставила мне еды на неделю, а еда разошлась в два дня. Точнее, в полтора.

Вновь наполнив опустевшую миску, я нарезала ещё хлеба и предупредила:

— Сала больше нет.

— Ничего, и без сала вкусно, — пробубнил он с набитым ртом, не прерывая процесса жевания.

Когда — вслед за салом — закончились также борщ и хлеб, незнакомец шумно выдохнул, привалился спиной к стене, прикрыл глаза и затих.

Я тактично молчала, не мешала человеку переваривать пищу и мысли. Ведь имеются же у него какие-никакие мысли?

Через пару минут он открыл глаза и уставился на меня. Я взгляд отводить не стала, смотрела ему в глаза совершенно спокойно. А чего волноваться? Я

ему зла не делала, наоборот, похоже, спасла от голодной смерти.

Какое-то время поиграли в гляделки, потом он предложил:

— Спрашивай.

Я девушка отзывчивая, поэтому на призыв откликнулась сразу:

— Спрашиваю. Ты кто?

— Гоша.

— А если по-взрослому, то Игорь?

— Георгий.

— Круто! — оценила я. — Я думала, сейчас так детей уже не называют.

— А меня не сейчас назвали, а тридцать лет назад. Тридцать два то есть.

— И чем же я, Гоша, тебя так разозлила?

— Да не меня, а Славку, дружка моего.

— А его чем?

— Откуда мне знать, — хмыкнул он. — Сама догадывайся.

— Слушай, — осенило меня, — а кличка у твоего дружка какая? Лесик?

— Какой ещё Лесик? — удивился он. — Почему вдруг Лесик?

— А как он выглядит? — продолжала я допытываться.

— Нормально выглядит.

— Голова бритая, загривок здоровый, цепь с

крестом на шее? — по памяти описывала я «продюсера».

Гоша призадумался:

— Не-е... Голова не бритая, а цепь с крестом я не видел. В баню мы же с ним не ходили!

Логично. Под одеждой цепь заметить сложно, тем более зимой, когда любой человек превращается в многослойную капусту. А волосы за несколько месяцев после последней нашей встречи ведь и отрасти могли.

— Неужто Лесик обо мне вспомнил? — подумала я вслух. — И с какой стати?

Ой, Лесика же на самом деле Константином звали...

— Да что ты заладила — Лесик, Лесик... Любовь твоя, что ли? Не о том думаешь. Говорю же: Славке ты жить мешаешь. А чем мешаешь — думай сама.

— Да я вообще не знаю никакого Славку! — возмутилась я. — Выдумываешь ты всё! Вот сдам в милицию, будешь там сказки рассказывать!

— Не сдашь, — улыбнулся он, продемонстрировав два золотых зуба и дыру, на месте которой, очевидно, появится третий золотой зуб.

— Уверен? — прищурилась я.

— Сто пудов!

— С чего бы?